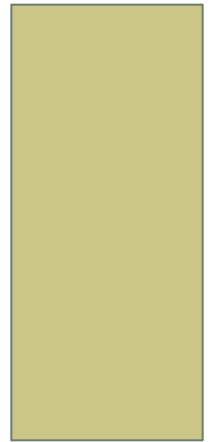

КУЛЬТУРА
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Повседневность играет значительную роль в функционировании культуры общества и отдельного региона, а культура повседневности оказывает непосредственное влияние на формирование региональной идентичности и самосознания населения.

Многообразность трактовок самого понятия «культура» позволяет рассматривать культуру повседневности во всей совокупности ее проявлений и модификаций.

Представление о культуре, сложившееся в структуре современного научного знания, носит комплексный характер и включает в себя все жизненные сферы человека.

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ – отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах.

Повседневность - специфическая область социальной реальности, которая выступает в качестве объекта ряда наук и междисциплинарных исследований (история, социальная и культурная антропология, социология и др.).

В центре внимания истории повседневности – *«реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира»*, комплексное исследование этой реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события.

Повседневность – это самый *близкий к человеку* план жизни, связанный с его ощущениями жизни, чувством реальности бытия. В повседневности каждый наиболее полно расходует свою природность, в которой он (как природное и одновременно культурное существо) ощущает себя человеком.

Повседневность с развитием гуманитарного знания становится актуальной научной проблемой. Это свидетельствует о том, что в обществе возникла потребность в осмыслении обыденной сферы человеческой действительности, которая является ценностью гуманитарного знания, культуры и всей современной науки.

Обыденная культура - это специфический, только человеку свойственный, способ его бытия. Это бытие человека в различных жизненных условиях, в различных областях действительности; это сфера, созданная самим человеком.

Или иначе — культуру повседневности можно понимать как универсальный способ человеческого существования, имеющего свои пространственно-временные границы, как форму организации повседневной жизни и деятельности человека, так как только труд, деятельность как таковая являются неперенным условием его бытия

Повседневная культура человека проявляется через особенности его деятельности, сознания и поведения, а также через вещи, предметы, произведения искусства и художественного ремесла, окружающие его, орудия его труда, языковые особенности речи, характеризующие этого человека или группу людей, общество в целом.

По степени специализации выделяют два уровня культуры – обыденную и специализированную.

Обыденная культура – это такой уровень овладения знаниями, обычаями, нормами, навыками, который необходим человеку в повседневной жизни. Этот процесс называется общей социализацией и инкультурацией.

Обыденная культура – это культура, не получившая институционального закрепления. Человек её осваивает с первых лет жизни в семье, в общении с близкими, друзьями. Он овладевает теми знаниями, навыками, стереотипами поведения, которые в дальнейшем служат базой для приобщения к специализированной культуре.

Целостный образ культуры повседневности создается в результате обобщения особенностей обыденной стороны жизни: уровень технологии, организации и управления экономикой, определяющие наш общий бытовой и физический комфорт, манера общения людей на улице, в магазине, в транспорте, отношения между людьми в семьях, в профессиональной сфере, отношение к религии, характер и тип образования, политических отношений, правовой защиты и отношения к властям, самочувствие людей, т.е. наше самочувствие под их сенью. Во всех случаях культура повседневности — это жизненный опыт человека.

Культура повседневности является составной частью общей культуры и включает в себя весь образ жизни человека - от манеры одеваться до своеобразия национальных праздников и ключевых календарных дат, а также весь разнообразный спектр взаимоотношений, поступков, идеалов, правил, формы коммуникаций и ценностных ориентаций. Ценности любой культуры невозможно изменить ни доказательствами их несостоятельности, ни демонстрацией более привлекательных ценностей.

До конца XIX столетия повседневность рассматривалась в рамках классических подходов - марксизме, фрейдизме, структурным функционализме.

В них повседневность полагалась низшей реальностью, значением которой можно пренебречь. Повседневность соотносилась с «поверхностью, за которой скрывается некая глубина», «завесой из фетишистских форм, за которой лежит подлинная реальность».

Такой подход проявлялся в бессознательном «Оно» во фрейдизме.

В таких подходах исследователь выступал как абсолютный наблюдатель. Живой опыт для него был лишь симптомом более глубокого (нежели повседневная культура) слоя социальной реальности. В рамках таких методологий повседневность выступала в качестве объекта проектирования и рационализации мира:

Так, экономические связи и отношения предполагались под повседневностью в марксизме, а устойчивые структуры определяющие человеческое поведение и мировосприятие, определяли повседневность в структурном функционализме.

Повседневность становится предметом интереса ученых со второй половины XIX в. Первыми результатами такого интереса были работы отечественных и зарубежных историков о быте, нравах и обычаях народов России и стран Европы от античности до начала XIX века (напр., книга А. Терещенко «Быт русского народа». Ч. I-V. СПб., 1848, или П. Гиро «Частная и общественная жизнь греков». СПб., 1913).

Ученые описывали устройство мест обитания человека, как поселений, так и жилища; обращали внимание на организацию быта, традиции телесных и духовных практик, обеспечивающих ежедневные потребности в «крыше над головой», пище и питье, телесной и духовной гигиене, общении и психологической поддержке, и т. п.

Предметом специального интереса были также этапные события в жизни человека, семьи и общества, оформленные как обряды перехода: рождение, достижение совершеннолетия, создание семьи, смерть.

Кроме того, речь шла о семье и внутрисемейных отношениях; о досуге: играх, развлечениях, зрелищах; о праздниках.

В рамках европейской науки к XIX - рубежу XX столетия исследование социальных срезов бытия в их статике и динамике стало обычной научной практикой. К этому времени в научный обиход вошло понятие *цивилизация*.

Цивилизация предполагала сложность и неоднородность и общества, и культуры. Это новое понятие могло противопоставляться понятию «культура» или предполагать множество существующих культур.

В Международной энциклопедии общественных наук 1968 года дано определение, в котором цивилизация - это термин, используемый антропологами в оппозиции к понятию «примитивные» и «народные» культуры.

Цивилизованность противопоставлялась традиционным основаниям, соотносилось с гетерогенностью, сложностью социальной структуры.

В новом подходе предполагалась социальная стратификация; культурные (социальные) сегменты.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ
ОТРАСЛИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОШЛОГО – ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ «ИСТОРИКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА», НАЧАВШЕГОСЯ В ГУМАНИТАРНЫХ
НАУКАХ КОНЦЕ 60-Х ХХ В.

- Исследователи европейской культуры повседневности:
- Э.Гуссерль
- Ф. Бродель,
- Н. Элиас,
- Ф.Маркузе,
- З. Фрейд,
- А.Шюц,
- М.Хайдеггер и другие.
- Российские исследователи культуры повседневности:
- Н.И.Костомаров,
- .Е.Забелин,
- С.В.Максимов,
- А.Н. Афанасьев,
- Н.Н. Козлова,
- Н.Смирнова,
- Ю.М.Лотман,
- С.Б.Адоньева,
- В.Д. Лелеко

К общетеоретическим источникам истории повседневности относят, работы основателей феноменологического направления в философии и, в частности, Э.Гуссерля (1859–1938).

Обращение к категории повседневность для основателя феноменологии связано с проблемой осмысления т.н. кризиса рациональности, кризиса европейской науки и общества в целом.

Ведущим понятием в его подходе стал «жизненный мир».

Отчасти Э. Гуссерль отождествлял жизненный мир с миром нашего повседневного опыта, наивной субъективности, т.е. с миром естественной установки, предшествующей научной объективности.

«Жизненный мир» - это наиболее близкий план жизни. В нём целостное «я» обращено к предметности, обыденности окружающего мира. С этого времени в европейской науке классические философские исследования начинают уступать место рассмотрению самых близких жизненных планов бытия и повседневному *существованию* человека.

«Жизненный мир» в философии Э. Гуссерля - это фундамент современного научного познания повседневности.

Он считал, что методы «математизированной науки» не приложимы к человеку и его повседневному «жизненному миру». Они «работают» в природном мире, в котором функционируют связи и отношения, характеризующиеся неизменяемостью, самоидентичностью, однообразной повторяемостью, каузальностью.

Эдмунд Гуссерль — немецкий философ

Повседневность – ведущая тема исследовательских работ классика феноменологии чешской социологии А. Шюца (1899-1959)

С точки зрения А. Шюца, повседневность – это сфера человеческого опыта, характеризующаяся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающая на основе трудовой деятельности, обладающая рядом характеристик, среди которых – уверенность в объективности и самоочевидности мира и социальных взаимодействий. Важнейшая черта повседневности, согласно А. Шюцу, – бодрствующее внимание. Он противопоставляет «повседневность» как «дневное сознание» сну как смутному состоянию внутреннего мира человека.

Одной из ключевых характеристик повседневности, по А. Шюцу, является intersубъективность.

Безусловно, мир предстает перед человеком в его собственном переживании и интерпретации.

Однако любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним – личном или передаваемом родителями и учителями.

А. Шюц подчеркивает, что люди воспринимают мир в его типичности. Черты, выступающие в действительном восприятии объекта, апперцептивно переносятся на любой другой сходный объект.

В естественной установке повседневной жизни, с точки зрения А. Шюца, нас занимают лишь те объекты, находящиеся в соотношении с другими, ранее воспринятыми, образующими поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта. Однако мир повседневности не просто субъективен, он является intersубъективным миром культуры: так как мы живем среди других людей, нас связывает общность забот, труда, взаимопонимание. Он – мир культуры, ибо с самого начала повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним.

Альфред
Шюц

Кроме того, А. Шюц выделяет некоторые конституирующие элементы повседневности как особой формы реальности:

- активная трудовая деятельность, ориентированная на преобразование внешнего мира;
- *erosche* естественной установки, т.е. воздержание от всякого сомнения в существовании внешнего мира и в том, что этот мир может быть не таким, каким он является активно действующему индивиду;
- напряженное отношение к жизни;
- специфическое восприятие времени – цикличное время трудовых ритмов;
- личностная определенность индивида; он участвует в повседневности всей полнотой личности, реализующейся в деятельности;
- особая форма социальности – intersubjectively структурированный и типизированный мир социального действия и коммуникации.

Итак, повседневность представляется А. Шюцу миром самоочевидности, которую каждый разделяет с другими людьми и воспроизводит по привычке в стабильных ситуациях. Повседневность как область предельно широких значений взаимодействует со специализированными областями, которые являются сферой конечных значений.

Незадолго до Второй мировой войны основатель «социогенетической теории цивилизаций», работавший в Амстердаме, Н. Элиас (1897–1990) показал, насколько оторвалось в гуманитарном знании изучение общества от изучения индивида.

Н.Элиас обратил внимание на то, насколько изучение общества оторвалось от изучения индивида. Элиас задался вопросом: существует ли «повседневность» сама по себе? Возможно, она не область реальности, а всего лишь ее свойство? В знаменитой статье «О понятии повседневности» он показывал, что «структура повседневности не обладает характером более или менее автономной структуры, но является составной частью структуры определенного социального слоя.

Поскольку один слой нельзя рассматривать изолированно, повседневность является также частью властных структур всего общества». Он призвал преодолеть это и рассматривать общество и отдельных людей «как нераздельные аспекты одного меняющегося набора взаимосвязей».

Н.Элиас подарил мировому гуманитарному знанию видение развития цивилизаций как переплетения разнообразных практик (воспитания, познания, труда, власти и т.п.) и способов их упорядочивания, закрепленных различными институтами. Изучение этих практик стало ориентиром для социальных наук уже в послевоенное время.

Н.Элиас и его последователи специально изучали процессы «оцивилизации» разных сторон повседневности индивидов – их внешнего вида и манер поведения, намерений, чувств и переживаний, речи, этикета.

Норберт Элиас

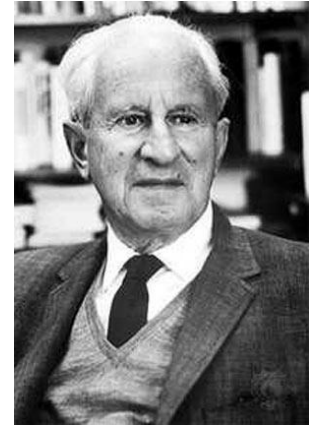
Практически одновременно с Элиасом был сделан и другой шаг к выделению истории повседневности в самостоятельную отрасль науки.

Представители Франкфуртской школы, стремившиеся понять истоки тоталитаризма, указывали на организующую роль идеологий в структуре общественной жизни.

Один из последних представителей третьего поколения этой школы Г. Маркузе (1898-1979) ставил задачей выяснить, как современная западная культура - с ее достоинствами комфорта, технической оснащенности, удобства бытия, безопасности существования - рождает репрессивную терпимость всех членов общества и их «одномерность». Изменяется сама система господства. Если раньше речь шла о личной зависимости (раба, крепостного крестьянина), то теперь, по мнению автора, есть все основания говорить о зависимости человека от «объективного порядка вещей», под которым автор понимает экономические законы, рынок и т.п.

У человека есть витальные потребности: пища, жилье, одежда. Г. Маркузе полагает, что только они имеют неограниченное право на удовлетворение. Однако помимо истинных потребностей, человеку также присущи и потребности ложные. Существуют частные общественные силы, которые заинтересованы в подавлении человека. Они навязывают индивиду ложные потребности с тем, чтобы увековечить все то, что несовместимо с идеалами гуманности: тяжкий, непосильный труд, агрессивность, нищету и несправедливость. Важно отметить, что нередко удовлетворение этих ложных потребностей приносит человеку удовлетворение.

Работы Г.Маркузе нацелили историков и социологов на анализ механизмов манипулирования сознанием на уровне повседневных практик.

Герберт Маркузе

По мнению Г. Маркузе, производственная сфера не ограничивается одними лишь товарами и услугами. Вместе с ними на человека обрушивается ливень отношений, привычек, реакций – и все это навязано человеку извне, чтобы прочнее связать его с производственной сферой. «Товары поглощают людей и манипулируют ими; они производят ложное сознание, которое невосприимчиво к собственной лжи». Реклама перестает быть просто рекламой и превращается в стиль жизни. Человек обретает себя в вещах, которые его окружают. Однако не люди уже диктуют вещам законы, а наоборот. Общественные потребности превращаются в индивидуальные, причем процесс этот происходит так эффективно, что различие между ними постепенно стирается и становится всего-навсего теоретическим.

Согласно Г. Маркузе, в основании современной развитой индустриальной цивилизации лежит определенный исторический проект (отношение человека к миру, определяющее как мышление о мире, так и деятельность в нем), а именно: технологический проект, или технологическая рациональность. Но это стремление оборачивается против самого человека как части природы.

В этом – иррациональность репрессивной рациональности, которая чревата катастрофой и для природы, и для человека. Катастрофичность развития технологической цивилизации заключается еще и в том, что оно вытесняет шансы альтернативы, ибо делает человека неспособным отказаться от благ, предоставляемых этой цивилизацией. Сама мысль о возможном отказе от этих благ, от удовлетворения ложных потребностей кажется современному человеку катастрофичной. Мы видим те блага, которые приносит нам цивилизация: производительность, мощь, возможность создать для людей комфортные условия жизни и труда. Однако все это достигается ценой тотального контроля, который западное индустриальное общество устанавливает над человеком.

Ценности превращаются в абстракции, оторванные от реальной жизни и не имеющие к ней никакого отношения. Однако особенно подчеркивает автор. Именно то обстоятельство, что эти идеи отличаются необъективностью, делает их движущими силами социального сплочения. Идеи – будь то моральные, религиозные, гуманистические – перестают быть самим собой. Они превращаются в идеалы, лишаясь своего конкретного критического содержания.

Для характеристики состояния культуры индустриального общества он вводит такие понятия, как «одномерное общество» и «одномерный человек», которые формируются через механизм удовлетворения потребностей, навязанных культурой господствующего класса в целях получения легко управляемой человеческой массы.

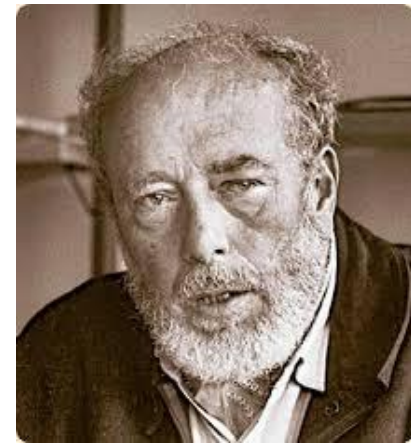
Под влиянием Франкфуртской школы, в США большое число приверженцев обрела леворадикальная критическая социология. Специфическим шагом к выделению исследований повседневности в отрасль науки было появление в 60-е модернистских социологических концепций, прежде всего – теории социального конструирования П.Бергера и Т.Лукмана, сформировавшаяся в работе «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» П. Бергер и Т. Лукман исследуют многообразие форм знаний в обществе, а также те процессы, «с помощью которых любая система "знания" становится социально признанной в качестве "реальности"»

Именно они призвали изучать «встречи людей лицом к лицу», полагая, что такие «встречи» (социальные взаимодействия) есть основное содержание обыденной жизни. Эти социологи первыми ввели в научный оборот понятие «повседневный мир», поставили вопрос о языке «повседневных встреч», о путях «заучивания типичных повседневных действий», тем самым дав толчок концепциям социального конструирования идентичностей, пола, инвалидности, психиатрии и т.п.

В центре реальности, с точки зрения Бергера и Лукмана, стоит именно реальность повседневной жизни. Она определена потребностями человека, в процессе удовлетворения которых все иные реальности отходят на периферию его сознания и в это время несущественны. Эти другие реальности выступают в качестве «областей конечных значений», своего рода анклавов информации, куда сознание индивида возвращается в зависимости от необходимости. Реальность повседневной жизни не однородна, она разделена на сектора. Первая группа секторов – это привычная реальность повседневной жизни человека. Вторая – проблематичная группа секторов, еще не освоенная человеком часть повседневности.

Питер Бергер

Томас Лукман

П. Бергер и Т. Лукман выделяют четыре уровня и четыре способа социального конструирования реальности:

– **хабитуализация**, т.е. опривычивание (от англ. habitual – привычный), превращение в повседневность: «Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и ipso facto осознано как образец его исполнителем. Кроме того, хабитуализация означает, что рассматриваемое действие может быть снова совершено в будущем тем же самым образом и тем же практическим

– **типизация**. Она разделяет объекты на классы (мужчина, покупатель, европеец и пр.), упрощающие социальное взаимодействие. Человек воспринимает другого как определенный тип и начинает с ним взаимодействие в ситуации, которая сама по себе типична. Социальная реальность повседневности представлена совокупностью типизаций, которые в своей сумме создают повторяющиеся образцы взаимодействия и составляют социальную структуру

– **институционализация**. «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт

– **легитимация**, которая делает «объективно доступными и субъективно вероятными уже институционализированные объективации». Легитимация имеет несколько уровней – от простой передачи значений новому поколению до выстраивания обширных полей значений, того, что часто называют символическим универсумом – целостной системой фиксации и интерпретации реальности, своего рода матрицы всех социально объективированных и субъективно разделяемых значений.

Другое направление анализа повседневности развивали американские социологи Г.Гарфинкель и А.Сикурел. Они изучали не просто действия индивидов в социальных процессах, но и роль их переживаний и мыслей.

Это позволило им создать основы социологии обыденной жизни (или этнометодологии), нацеленной на обнаружение методов, которыми пользуется человек в обществе для осуществления обыденных действий через анализ существующих в обществе правил и предубеждений, истолкования «одними» людьми речей, поведения, жестов «других».

Продолжатель идей Г. Гарфинкеля И. Гофман в одном из своих основных трудов – «Представление себя в повседневной жизни» - показал повседневное как то обычное, что проходит незамеченным, что индивиды автоматически соблюдают, не придавая тому значения («учтливое невнимание», по И.Гофману).

Гарольд Гарфинкель

Арон

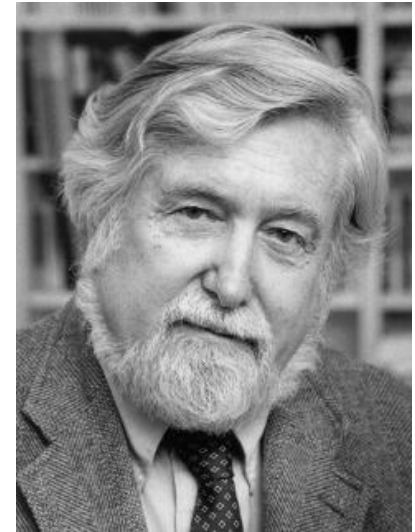

Ирвинг Гофман (1922—1982)

На рождение истории повседневности как науки оказали влияние идеи К. Гирца (1926-2006), увидевшего в любой культуре «стратифицированную иерархию структур, состоящих из актов, символов и знаков».

Расшифровка этих актов и символов, составляющих повседневные типизированные людские практики, «интерпретация паутины значений, которую человек сам сплел», выступает у этого социо-антрополога способом познания. Интерпретация, а не просто собирательство фактов – по К. Гирцу – есть цель этнографически-ориентированной науки, в том числе и истории, позволяющей в этом случае понять представителей иных культур, их восприятие событий и явлений.

Взрыв интереса к «социологии повседневности» и превращение ее в самостоятельное направление в рамках наук об обществе вызвали к жизни сходные изменения и в историческом знании.

Клиффорд
Гирц

Школа «Анналов» (или «Новая историческая наука») - влиятельная группа французских социальных историков, связанная с журналом «Анналы экономической и социальной истории» (основан Люсьеном Февром и Марком Блоком в 1929 г.).

Сейчас журнал называется «Анналы. История, социальные науки». Этот журнал сделался особенно после Второй Мировой Войны, самым авторитетным и влиятельным из всех периодических изданий по истории, вокруг которого группировались представители новых направлений историографии.

Школа внесла крупный вклад в эмпирическое изучение европейской цивилизации в целом, а также в теоретическую и методологическую разработку проблем исторического анализа. Представители школы, в частности, выступали против общепринятого подхода к истории как к хронологии политических событий, придавая большое значение социальной истории, социальной структуре и долговременным историческим тенденциям. Идеи школы «Анналов» послужили причиной создания новой отрасли социального знания – исторической антропологии.

Главные представители школы «Анналов» - Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель, Ле Гофф.

Перспективность «антропологического подхода» в изучении прошлого задолго до модернистских концепций «прочувствовали» французские историки М.Блок и Л. Февр. Они предложили видеть в реконструкции «повседневного» элемент воссоздания истории в ее целостности.

Представители школы «Анналов» убеждены, что памятник прошлого (письменный или вещественный), представляющий собой текст или артефакт, дошедший от изучаемой эпохи, сам по себе неинформативен и нем. Как исторический источник он начинает выступать лишь тогда, когда историк приступает к его исследованию, в семиотическом смысле расшифровывая его язык. Вне этого отношения исторический памятник правомерно считать несуществующим. Трансформация сообщения исторического источника в исторический факт осуществляется в рамках процедуры осмысления этого источника самим историком, включающим его в определенную систему интерпретационных схем и связей.

Общественные отношения и институты, политические события не могут быть поняты, если историк не знает содержание духовной жизни людей, участвовавших в этих событиях. Центр тяжести в историческом исследовании смещается в сторону изучения человеческого сознания, а структура этого последнего в глазах историка уже не ограничена сферой четко выраженной политической или религиозной идеологией.

По мнению Ж. Ле Гоффа, историк ментальностей работает с неосознанным, повседневным, с автоматизмами поведения, с внеличными аспектами индивидуального сознания. Ментальности пронизывают всю человеческую жизнь, присутствуют на всех уровнях сознания и изменяются очень медленно.

Полное системное рассмотрение европейской цивилизации «в её повседневности» было предпринято французским историком Фернаном Броделем (1902 -1985г.г.).

В 1979 году он выпустил свою трехтомную работу «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV - XVIII в.в.». Одна из частей этой работы называлась «Структура повседневности», другая часть рассматривала динамику формирования материальных планов бытия, «игр обмена», которые исследователь считал основой повседневной культуры, влияющей на все прочие, в том числе и самые высокие уровни культуры человечества. Эта работа стала ведущим достижением школы «Анналов».

Ф. Бродель понимал прошлое как медленное чередование периодов «большой длительности» (*long duree*), в которые была включена и повседневно-бытовая составляющая. История повседневности выступала в указанных трудах частью *макроконтекста* жизни прошлого.

Цивилизация в работах Ф. Броделя отождествляется с культурой. Цивилизация понималась как особым образом упорядоченный ансамбль, в котором можно найти много систематизированных элементов и образцов (культур). Цивилизации преодолевают экономические, социальные, идеологические потрясения, командуют ими, *переваривают* их, или стимулируют. Наиболее близким к человеку, нижним планом бытия с его вещным - материальным выражением в цивилизационном движении (динамике) является повседневность.

Рассказывая о механизмах производства и обмена, Ф.Бродель предложил видеть в экономике любого общества два уровня «структур»: жизни материальной и жизни нематериальной, охватывающей человеческую психологию и каждодневные практики. Второй уровень и был назван им «структурами повседневности».

К ним он отнес то, что окружает человека и опосредует его жизнь изо дня в день — географические и экологические условия жизни, трудовая деятельность, потребности (в жилище, в питании, одежде, лечении больных), возможности их удовлетворения (через технику и технологии).

Для такого всестороннего изучения был необходим анализ взаимодействий между людьми, их поступков, ценностей и правил, форм и институтов брака, семьи, анализа религиозных культов, политической организации социума. Конечной целью «тотального» изучения прошлого должно было стать выявление некоего инварианта — неизменной величины, присутствующей в формах быта данной историко-культурной общности.

Характерной чертой реконструкции повседневной истории в духе Ф.Броделя на первых порах было предпочтение, отдаваемое изучению возможно более массовых совокупностей явлений, выбор больших временных длительностей для обнаружения глобальных социальных трансформаций. Много внимания уделялось и тому, как официальная культура воспринималась низами, в какие формы «отливались» идеологические конструкты, попадая в профанный мир.

Продолжавшие «линию Броделя» французские историки второго поколения Школы «Анналов» скрупулезно изучали взаимосвязи между образом жизни людей и их ментальностями, бытовой социальной психологией.

Использование броделевского подхода в историографиях ряда стран Центральной Европы (Польши, Венгрии, Австрии) начавшись в середине – второй половине 70-х, осмыслялось как интегративный метод познания человека в истории и «духа времени».

Оно получило наибольшее признание у медиевистов и специалистов по истории раннего Нового времени и в меньшей степени практикуется специалистами, изучающими недавнее прошлое или современность.

Продолжатели традиции первых двух поколений Школы Анналов (в России, например, А.Я.Гуревич) ставят в центр своих исследований общую реконструкцию «картины мира» определенной эпохи, социума, группы. Они изучают в повседневности прежде всего его ментальную составляющую (общие представления и нормальном, как и общие страхи, общие тревоги и одержимости). Такой подход к истории есть пересмотр открытой позитивистами хозяйственно-бытовой истории, не выходящий за пределы описания материального мира и составляющих его объектов, вещей, нравов как таковых.

В Италии в 1970-е небольшая группа ученых: К.Гинзбург, Д.Леви и др.) сплотилась вокруг созданного ими журнала «Quaderni Storici», начав издание научной серии «Microstorie». Эти ученые сделали достойным внимания науки не только распространенное, но и единственное, случайное и частное в истории, будь то индивид, событие или происшествие. Исследование случайного – доказывали сторонники **микроисторического подхода** – должно стать отправным пунктом для работы по воссозданию множественных и гибких социальных идентичностей, которые возникают и разрушаются в процессе функционирования сети взаимоотношений (конкуренции, солидарности, объединения и т. д.).

Тем самым они стремились понять взаимосвязь между индивидуальной рациональностью и коллективной идентичностью.

Значимость микро-исторического подхода в исследовании повседневности определяется поэтому,

во-первых, тем, что он позволил принять во внимание множество частных судеб. История повседневности стала поэтому реконструкцией «жизни незамечательных людей», которая не менее важна исследователю прошлого, чем жизнь людей «замечательных».

Во-вторых, значимость микроистории для повседневности состояла в апробации методик изучения несостоявшихся возможностей.

В-третьих, описываемый подход определил новое место источников личного происхождения, помогая пониманию степени свободы индивида в заданных историко-политических, хронологических, этнокультурных и иных обстоятельствах.

В-четвертых, именно микроисторики поставили задачей своего исследования исследование вопроса о способах жизни и экстремального выживания в условиях войн, революций, террора, голода.

В российской философии тема обыденного и повседневного вошла в официальную историографию в годы хрущевской оттепели, середины 1950 - начала 1960-х гг. вместе с интересом к понятию «здорового смысла». Лишь к 1980-м годам в философские словари попало определение бытовых отношений как «очень значительных», играющих «немаловажную роль» в жизни человека.

В числе тех, кто в конце 1980-х – начале 1990-х гг. убедил российский научный мир в необходимости разведения этих понятий, был выдающийся российский историк и культуролог, создатель своей научной школы в (ставшем ныне заграничным) Тарту Ю.М.Лотман. Детали одежды, особенности поведения служили Ю.М.Лотману особым «шифром» к скрытому за ними культурному коду, ключом к пониманию и оценке общественной позиции индивида. Взгляд Ю.М. Лотмана уже не был описывающим – он был аналитическим взглядом истолкователя бытового поведения, норм и ценностей изучаемой культуры. Говоря о бытовом поведении, Лотман видел его как единство обычного и необычного, «обрядового поведения».

Активными исследователями повседневности на первом этапе выступили медиевисты, в том числе специалисты по женской истории. Группа историков из разных институтов РАН во главе Ю.Л. Бессмертным и А.Я.Гуревичем создали рабочую группу по изучению «истории повседневности», начали выпуск альманаха «Одиссей» и ежегодника «Казус».

В публикациях тех лет они призывали отказаться от изучения одних только универсальных закономерностей в пользу более скромных, но более глубоких, по их мнению, изысканий и исторических реконструкций. Несколько сборников «Очерков по истории частной жизни» людей в разные времена, как и выпуски ежегодника «Казус», стали собраниями текстов о необычном и нетипичном в жизни людей в масштабе биографий личностей, об уникальных (и подчас совсем не типичных даже) историях отдельных семей, жизни малоизвестных стародавних поселений, о быте и труде человека незнатного и незнаменитого.

В годы «перестройки» было опубликовано немало работ о соотношении обыденного и теоретического сознания: переоценка обыденного была связана с кризисом «тотальных» теорий – прежде всего, марксизма и структурализма – считавших повседневность и переживания отдельных людей величиной, которой можно пренебречь. Понятие «повседневность» тогда, однако, почти не использовалось. В середине 80-х годов в диссертации и публикациях Е.И.Кукушкиной обыденное сознание впервые было названо универсальной предпосылкой всех форм познавательной активности, имеющей специфическую структуру и выполняющую самую активную роль. Таким образом, был сделан важнейший шаг к рождению истории повседневности.

Полное признание обыденного и повседневного в отечественной философии состоялось в 1990-е гг., когда вышли в свет работы В.А.Лекторского и И.Т.Касавина о вненаучном мышлении, статьи и книги В.Г.Федоровой о повседневных истоках любого познания.

В наши дни философия повседневности входит в число модных, часто обсуждаемых тем на научных конференциях. Смысловая наполненность «повседневного» может интерпретироваться в строгой зависимости от ощущений индивида, в ней живущего, и от социальных факторов, влияние которых под силу проанализировать этнографу, социологу, историку.

В отечественных гуманитарных науках изучение повседневности не имеет столь длительной традиции, как на Западе, однако в той или иной степени данная проблема рассматривается в трудах М.А. Барга, М.М. Баткина, М.М. Бахтина, М.М. Брагиной, А.Я. Гуревича, Л.Г. Ионина, Л.П. Карсавина, Г.С. Кнабе, С.С. Соковикова и других. Своеобразие повседневности как культурно-исторической категории заключается в ее локальных проявлениях на территории конкретных регионов и стран

- В качестве содержательных характеристик культуры повседневности в трудах отечественных культурологов и социологов культуры чаще всего выделяют:
  - социокультурные стереотипы повседневности, связанные с этническими, этическими, эстетическими, морально-нравственными особенностями людей;
  - традиционные механизмы повседневной культуры, включающие традиции, обычаи, обряды, ритуалы, компоненты повседневного бытового уклада, дом (жилище) и его особенности;
  - типичные формы рекреации в повседневном укладе;
  - характер включенности в повседневный быт искусства, политики, уникальных событий, то есть того, что можно назвать «высокой» культурой;
  - внутреннюю типологию повседневной трудовой деятельности, в качестве структурных компонентов которой можно указать такие, как обыденность труда, домашний бытовой уклад, досуг и развлечения

В различных сферах культуры повседневность имеет разные уровни проявления. Обыденный аспект присутствует в культуре бытовых отношений, религиозной практике и трудовой деятельности. Специфическое проявление обыденного происходит в научной деятельности и художественном творчестве, религиозном культе. Конфессиональная детерминированность культуры повседневности находит выражение в регламентации обыденной жизни, культовых предписаниях различных религиозных систем, в формах и приемах каждодневного и регулярного выполнения культовых требований.

Факторами формирования культуры повседневности выступают экономические отношения. Товарно-денежные отношения, производственные технологии и характер труда оказывают значительное влияние на повседневный уклад и формируют обыденную среду. От экономической компоненты зависит разнообразие повседневной культуры, на уровне которой ярко отражается социальная структура общества.

Властные отношения детерминируют культуру повседневности различных социальных групп и воздействуют на обыденный слой культуры.

По мнению С.С. Соковикова, повседневность, выступая в качестве привычного, обжитого культурного бытия, является «фактором самоидентификации культуры и человека, имманентной стационарной лабораторией культуры».

Повседневность можно структурировать по нескольким основаниям:

Реалии современной повседневной материальной жизни, к которым относятся природно-

климатические условия, традиции питания, особенности жилища и интерьера, костюм и мода. К данной структуре также относят среду обитания (городскую среду), важными компонентами которой являются планировка и застройка города, городской транспорт, общественные здания и сооружения,

Эмоциональная жизнь людей, определяемая системой их ценностных ориентаций и установок.

Социальная жизнь, связанная с определенными периодами жизненного цикла человека, включая профессиональную карьеру и уклад жизни семьи. Ежедневное поведение, коммуникации, соблюдение соответствующих норм и правил поведения и общения. Исходя из указанных структурных компонентов, целостное представление о культуре повседневности той или иной эпохи, той или иной страны или региона может создаваться через отображение материального, ценностного, эмоционального и социального измерения.

Данная структура может быть дополнена другими элементами повседневности, например, связанными с современным развитием науки, техники и инновационной деятельности

В определении *предмета изучения истории повседневности* как научного направления в современном гуманитарном знании нет согласия.

Иногда социологи употребляют как его синонимы описательные характеристики («обычное ежедневное существование», «род/образ жизни», ««то, что обычно делают обычные люди»»).

Этнографы часто говорят о повседневности, имея в виду «быт» – то есть «традиционные формы личной и общественной жизни», «повторяющееся, устойчивые, ритмичные, стереотипизированные формы поведения».

В настоящее время оформилось несколько точек зрения на рассмотрение данного понятия. С одной стороны к повседневности сложилось радикально отрицательное отношение из-за её обыденности, рутинности, привычности. С другой стороны повседневность - неисчерпаемый источник познания человека в исторической и реальной действительности.

В центре внимания историка повседневности не просто быт, но жизненные проблемы и их осмысление теми, кто жил до нас. Поэтому история повседневности в изучении ментальных макро-процессов есть форма историзации коллективного бессознательного в большей степени, нежели этнографическая история конкретно-бытовых навыков и обыкновений. Каковы механизмы возникновения новаций в укорененных и привычных структурах, что заставляет сближаться новые и традиционные формы и нормы социального действия, почему одни из них устойчивее других – это тоже круг вопросов историков повседневности.

Анализ работ А.Я. Гуревича, И.Е. Забелина, М.И. Козьяковой, И.И. Костомарова, Ю. М. Лотмана и др. показывает, что предмет повседневности также может рассматриваться относительно половой принадлежности человека (мужской и женский мир, быт царей и цариц), его приверженности к той или иной социальной, возрастной или национальной группе, типу поселения (город, село) и т.п.

В качестве предмета повседневности Л. Гудков выделяет так называемые *«изнаночные стороны» жизни общества*: зонирование пространства обитания в быту; хронометраж времени; формы досугового поведения; ролевые структуры и функции в разных контактных группах; особенности языковой личности; специфика межличностного взаимодействия в специальных учреждениях; аспекты девиантного поведения, преодоления отклонений в социализации личности; порядки социализации разных общественных; порядок сна, его жилищные интерьеры и прочие вещественные аксессуары; формы питания; ритуалы ежедневные и праздничные, модификации этикета; статусные значения пользования техникой; место в компьютерной "паутине"; многие другие стороны бытовой, но по-своему знаковой сферы жизни современного человека.

Рассматривая диалектику повседневности, Г.С. Кнабе обращает внимание на предметы бытового обихода, эстетику костюма, жизненную среду, общение с искусством и др.

Под повседневностью следует понимать сферу эмпирической жизни человека, характерными признаками которой являются:

связь с практической деятельностью (причем не только с трудовой, но и с досуговой),
прагматичность,
коммуникативность,
персонификация,
интерсубъективность,
повторяемость,
стереотипность, понятность.

Повседневность реализуется в пространственно-временных координатах, она является темпоральным и топологическим опытом.

Главными функциями повседневности являются сохранение, выживание, воспроизводство человека, общества, культуры.

Повседневность и неповседневность неразрывно связаны между собой, являясь составляющими жизненного мира.

Благодаря повседневности обеспечивается стабильность общества и трансляция социокультурного опыта, сфера неповседневности ответственна за инновации и социокультурные изменения.

В.Д.Лелеко : «человек живет повседневной жизнью с момента своего появления на Земле. Но осознал это, заинтересовался и сделал предметом наблюдения, размышления и изучения не так давно, около полутора столетий тому назад.

По мнению В.Д.Лелеко: повседневность – это то, что регулярно повторяется в жизни человека и человеческих сообществ изо дня в день.

Но при этом частенько путаются повседневность и культура повседневности. Говоря о культуре повседневности, зачастую просто описывают повседневную жизнь. Это так, если под культурой понимается «все, что создано человеком и человечеством». Но ни вся человеческая жизнь не является культурой, ни вся повседневность.

Культура повседневности – это вот такой духовный опыт, сохраняемый и реализуемый в повседневной жизни; это реализация (воплощение) культуры, ее ценностей, ценностных смыслов в каждодневном бытии культуры, бытии человека или сообщества людей.

Те или иные ценностные смыслы в каждую историческую эпоху, в каждой из культур воплощаются в определенных формах, способах деятельности, повседневных занятий и досуга.

В истории повседневности основное внимание уделяется особенностям окультуривания и нарастания цивилизованности в обычной жизни людей разных исторических периодов, разных этносов и наций, разных социальных слоев. Поэтому история повседневности – это история культуры повседневности прежде всего (включающей в себя и развитие цивилизованных форм человеческой жизнедеятельности).

В повседневности возникают и существуют не одни вещные ценности. Ценности духовные, ценности культуры бывают воплощены не только в вещах, но и в повседневном поведении, действиях, отношениях друг к другу, к окружающей их среде, в быту, в проведении досуга.

Культура нашей повседневной жизни определяется нашими же ценностными ориентациями, потребностями в ценностях культуры, возможностями и формами их удовлетворения.

Досуг, свободное время, сам по себе может быть и бывает ценностью. Это ведь время отдыха не только от работы, но и от повседневных хозяйственных дел и забот. Но досуг особо ценен, когда он не пуст, а содержательно наполнен, когда в свободное время реализуются ценности культуры. Общение с близкими представляет собой одну из таких ценностей.

Следовательно, предметом изучения повседневности выступают разнообразные характеристики поведения людей, которые охватывают все сферы человеческой жизни и выражаются в символических формах: обрядах и ритуалах, художественных стилях и религиозных представлениях, стереотипах сознания и поведения, ролевых структурах и функциях, различного рода видах пространства, обычаях и традициях, нравах и укладах и т.п.

Таким образом, теоретический анализ имеющихся исследований позволил раскрыть сущность понятия повседневности как особого феномена культуры, который, с одной стороны предполагает обыденность, каждодневную повторяемость во времени тех или иных фактов, с другой стороны выступает как фактический материал, посредством которого можно вскрыть не только проблематику культуры прошлого, но и настоящего.

Предметом изучения повседневности являются различные её грани, такие как среда обитания, обряды, ритуалы, досуг, обычаи, нравы, уклады жизни, а также ментальность, образ мышления образ жизни народа.

При этом следует отметить неоднозначность его определения в различных отраслях гуманитарных наук.

Народное жилище вобрало в себя опыт поколений, отвечая культурным стереотипам быта.

В России, скажем, статус дома был чрезвычайно высок, особенно в крестьянском быту. Он в символической форме воплощал ценности и смыслы человеческого существования и отражал символическую связь человека с космосом.

Внутренняя среда дома была тем сокровенным местом, где он выражал свои представления о себе в мире, формируя все содержание жизни, интересов и всего, что было с ней связано.

Дом – это особый способ соединять, отражать и формировать жизнь. В крестьянской культуре дом был сложным символическим знаком, по которому можно было определить социальный статус хозяина, его национальность и вероисповедание и т.п.

Дом – это модель мира, образ родины, выполняющий защитную, сакральную, эстетическую, социальную и ритуальную функции.

В доме мы видим огромное количество вещей наделенных знаковым статусом.